

СЕРГЕЙ
СТЕБЛИНЕНКО

БАЙКИ
СТАРОГО БОЦМАНА

Сергей Стеблиненко

Байки старого боцмана

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Стеблиненко С. В.

Байки старого боцмана / С. В. Стеблиненко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

О морях дальнего плавания, рыбаках и китобойцах написано немало замечательных книг. Почти в каждой из них звучит стандартное пожелание семи футов под килем. Но нет ничего о тех, кто эти самые семь футов обеспечивает – о работниках технического флота. Эта книга основана на реальных событиях, произошедших с конкретными людьми, жившими в различный период времени. Читателю не придется вникать в обыденные производственные ситуации, технические подробности, экономические коллизии. Вы сможете взглянуть на жизнь людей, проходящую в непосредственной близости от берега на неуклюжих земснарядах, буксирах, шаландах, плавкранах и прочих, лишенных всякой романтики судах. И Вам судить о том, насколько эта жизнь однообразна и скучна или, напротив, увлекательна и насыщена.

© Стеблиненко С. В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Байка первая	7
Часть первая	7
Часть вторая	9
ИЗ ЖУРНАЛА ПРИЕМА ПО ЛИЧНЫМ ВОПРОСАМ	11
Байка вторая	12
Часть первая	12
Часть вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Стеблинко

БАЙКИ СТАРОГО БОЦМАНА

Почему одесские трамваи окрашены исключительно в цвет спелых томатов? Неужели кто-то надеется отпугнуть издерганных пассажиров, чьи глаза жадно пожирают это бесформенное чудовище на каждой остановке? Увы, нет. Наших людей испугать нельзя. Они все равно протиснутся в его чрево сквозь плотную массу уже бланишированных собратьев, висящих в стонущих дверях. Они все равно найдут свое место под солнцем. Неважно, на каком пляже оно их настигнет. Но это обязательно случится. Потому, что вокруг – лето, море и песок. А над головой – южное полуденное солнце, способное заставить одинаково стучать сердца горячих прибалтийских парубков и температурных сибирских девчат.

Этот стук не имеет возраста, социального положения и даже национальности. Он рождается в ароматах утреннего «Привоза» и затухает далеко за полночь, растворяясь в прибрежной зоне, под комариное жуужжание свистка случайного милиционера, который обязательно корректен за десятку и не жаден настолько, что укажет путь к ближайшей остановке все того же трамвая.

Итак, мы возвращаемся к трамваям. Их не красит никто. Просто летнее солнце раскаляет эти чудные пережитки советско-чешской дружбы настолько, что тепла хватает до следующего сезона. Так и согревают они дождливую одесскую зиму своими красными щеками, стыдясь окружающей жизни или того, что болтается внутри них самих. А может, они просто хотят напомнить о приближающемся лете...

После часа пляжной полудремы, именуемой женой отдыхом, ощущаешь себя распотрошенной рыбой с вывернутыми наизнанку жабрами, лежащей на раскаленной солнечной сковороде. Встаешь, протираешь обожженные плечи, стряхиваешь песок и осматриваешься. Что нового можно обнаружить на полудиком пляже Черноморки? Не меняющийся годами пейзаж, состоящий из заброшенного пляжа, полуразрушенной лодочной станции и одинокого плавкрана, героически упирающегося от притязаний довоенного буксира...

К счастью, в этот день мое внимание привлек рыбак. Он гордо восседал на единственном сохранившемся причале лодочной станции, отгороженный от прочего человечества веревочным ограждением и табличкой:

«Посторонним в...»

Казалось, солнце выжгло самое главное, и теперь посторонние никогда не смогут понять, куда же им необходимо идти.

На вид ему было не больше семидесяти, а если точнее не меньше шестидесяти. Седая шевелюра, новенькая тельняшка и английский спиннинг делали его непохожим на обычного пенсионера. Проницательный взгляд одинаково профессионально оценивал движения прыгающего поплавок и проплывающих мимо студенток.

Видимо почувствовав, что за ним наблюдают, рыбак обернулся, внимательно посмотрел на меня, спросил: «Интересуешься?» и кивнул головой на одинокий кнехт, обойденный вниманием бомжей-металлистов.

– На что клюет? – спросил я.

– На кнехт... – спокойно ответил он и в тот же момент я почувствовал, что он имел в виду. Фантазия неведомого изобретателя сделала кнехт стальным, о чем моему мозгу просигнализировал обожженный зад.

– Бывает... – многозначительно произнес он, – на флоте не еще такое бывает...

Так началось мое знакомство с этим удивительным человеком и его историями, в которых, как мне кажется, правды было гораздо больше чем вымысла. Впрочем, на флоте всё бывает...

Байка первая КАК СЕМЕН В МОРЯКИ ЗАПИСАЛСЯ

Часть первая Прощай, околица...

Семен шел в большую жизнь по просёлочной дороге. Впереди маячили гребни океанских волн, небоскребы дальних стран и главное – сытное будущее!

О чем еще мог думать простой сельский парень в 47 году, как не о еде?

Булка черного хлеба, восемь вареных яиц и четыре луковицы у него, конечно, были. Но сразу съедать, их было нельзя. Все эти сокровища находились под нехитрыми пожитками на дне старого деревянного чемодана, который Семен нес в правой руке. Левая же рука придерживала связанные за шнурки и переброшенные через плечо ботинки, которыми его премировали на колхозном собрании.

Ботинки эти хранили два секрета. Первый был очень прост: если большую часть пути пройти босиком, то подметки стираться не будут, а потому и ботинок хватит надолго. О существовании второго секрета, кроме него, знал только председатель колхоза. Они были ему обещаны за выполнения важного секретного задания, которое председатель называл гражданским долгом. Семен был выдающимся политинформатором.

Дело в том, что мужиков в селе осталось крайне мало. Председатель, парторг, бухгалтер и едва перешагнувший совершеннолетие Семен. Остальные не в счет: кому слишком молод, кто – стар, а кто по причине героической контузии и вовсе, полный инвалид. А баб – много. Только в одной второй бригаде – двенадцать душ. Война – войной, а природа – природой. Вдовам – не до баловства, детишек поднимать надо, да и надежда на возвращение кормильцев до конца не угасла – может раненый или, дай бог, в плену? Ходили слухи, что в соседнем районе, одна баба две похоронки на своего мужика получила, а третью – он сам принес...

А молодым, которые настоящего кавалера и не нюхали, что делать? На дерево лезть, да волком быть... Вот тов. Сталин о народе и позаботился – отменил алименты: во-первых, платить их все равно нечем, во-вторых, через каких-то двадцать лет из-за низкой рождаемости в армии только маршалы да танки останутся...

За неделю до посевной председатель собрал всех мужиков и объяснил, что дело это – государственное и получено устное указание из района:

– Политическая ситуация такова, что союзники – нам больше не союзники. На братьев – монголов тоже расчету никакого. Они здесь породу уже портили. Их, коротконогих, сюда еще раз запустить, так через сто лет наши потомки разве что за мышами гоняться смогут. Надо обходиться своими силами. Семен, возьмет на себя вторую бригаду, бухгалтер – первую. Потерявших надежду вдов, как инвалид второй группы, утешит парторг...

Это было сказано настолько взвешенно, что увильнуть или, не дай бог, отказаться не оставляло малейшей возможности. Семен сразу понял, что, как комсомолец и гражданин он просто обязан участвовать в этом важном всенародном деле, тем более что выделенный председателем литр сметаны должен выдаваться под отчет каждые три дня.

Новое начинание так быстро нашло широкий отклик, что к началу страды политинформации проходили уже без выходных. Прополка свеклы шла полным ходом. Семен сидел в лесопосадке, пил подотчетную сметану и делал заметки в амбарной книге с надписью «Итоги социалистического соревнования». Эти записи сдавались бухгалтеру для подтверждения целевого

использования сметаны. Соревнование действительно было и победительница, первой пропоровшая свою грядку, получала приз, который здесь же, в кустах Семен ей и вручал.

Свою работу Семен выполнял исправно, бригада сразу же вышла в число передовых и даже побила какой-то очень важный рекорд, то ли по количеству свеклы на один центнер, то ли по числу прополотых грядок. Многократную победительницу Клавдию представили к медали, которую вручили в торжественной обстановке одному из руководителей района. Клавдии же досталась грамота «За успешное внедрение передовых технологий в растениеводстве». Она поместила грамоту в рамку и повесила под иконой.

Председатель свое слово сдержал, заветные ботинки Семен получил и теперь шел в далекую Одессу, поступать в мореходную школу. За спиной осталось родное село, последние наставления матери и тайное предрассветное бегство от поклонниц его информационных возможностей...

О мореходке Семен узнал из газетной статьи, которую он периодически перечитывал в перерывах между вручением призов. Статья называлась «Покорим далекие моря», рассказывала о жизни будущих мореплавателей, чьи откормленные физиономии нагло ухмылялись с явно довоенной фотографии, и заканчивалась словами тов. Сталина о необходимости борьбы с какими-то нехорошими людьми. В этих сытых курсантских лицах Семен сразу угадал толстую задницу своей будущей удачи.

Часть вторая

Самое синее в мире...

Послевоенная Одесса не многим отличалась от других полуразрушенных городов. Те же руины, те же воронки, те же усталые лица... Только море, по-прежнему оставалось, самым синим в мире, и бронзовый Дюк высматривал с пьедестала свою далекую Родину.

Непривычно солёный ветер и дикий голод нагоняли на Семена тоску. В мореходку он опоздал, – экзамены закончились как раз в тот самый день, когда он добрел до города. Желудок был пуст, а нехитрые пожитки – обменены на такого же качества продукты и лишь изредка напоминали о себе желудочными коликами.

Оставшиеся ценные вещи – чемодан и ботинки продавать было нельзя даже перед лицом голодной смерти. Без них он – никто. Человек без будущего. Лишь благодаря этим двум замечательным предметам ему удалось прожить целую неделю на полном пансионе в духовной семинарии. Даже самому настоятелю не закралась в голову мысль, что обутый человек с чемоданом в руке может оказаться не только грешником, но и комсомольцем. В семинарии кормили сытно, но там не было полосатых тельняшек, расклешенных брюк и, конечно же, кожаного ремня с якорем на блестящей бляхе. Без этого жить, было немыслимо, и православная церковь лишилась потенциального протоиерея...

Неожиданно удача повернулась к нему лицом и стала во весь рост.

Возле Нового базара открылась мореходная школа какого-то неизвестного никому флота. Флот был настолько специальным, что это не имело никакого значения. Главное – бесплатная кормежка, крыша над головой и блестящая бляха с якорем на животе. Так Семен оказался в общей шеренге.

Вчера был сдан вступительный экзамен, который назывался – медкомиссия. Радость быть принятыми в столь солидное учебное заведение, не могла омрачить даже происшедшая с ним досадная промашка. Дело в том, что иностранное слово «гениталии» не вызывало у него ни зрительных образов, ни смысловых ассоциаций, а настойчивые требования доктора их оголеть, лишь довели до состояния глубокой душевной депрессии. Слово «гениталии» оставались для Семена пустым звуком. Надежды рушились, и тогда он, рискнув, сделал два шага навстречу судьбе и снял... кепку.

Все, кто находился в комнате, замерли, и только мухи деловито жужжали в поисках чего-то свеженького... Ситуацию спас сам доктор: «Молодой человек, «гениталии» – это...». Последнее слово было, без лишних заграничных иносказаний. Просто и открыто, как может быть произнесено только настоящим русским человеком. Для Семена это было первое доброе слово, сказанное ему в этом чужом большом городе...

Среди тридцати претендентов на заветные бляхи, таких обеспеченных как он людей было, человек пять. Но только ему одному удалось сохранить все атрибуты благополучия – и чемодан, и ботинки. После торжественного подъема флага из школы вышел невысокий человек в морской форме в сопровождении двух более крупных специалистов.

Это был сам начальник школы. Он строго осмотрел строй и поинтересовался состоянием здоровья будущих питомцев: «Дистрофия, глисты, анурез есть?», на что все дружно проскандировали: «Так точно!». Ответ начальнику понравился. Поздравив всех с успешной сдачей экзамена, он направился туда, откуда пришел – в здание школы. Специалисты остались. Первым выступал механик:

– Товарищи, – сказал он, – в то время, когда советский народ, под личным руководством самого товарища Сталина, борется с разными нехорошими людьми, значение труда кочегара на современном судне несоизмеримо возросло. Лишняя лопата, брошенная хорошим специалистом в самое сердце современного парохода...

После слова пароход специалист подозрительно замолчал. Чувствовалось, что другие слова не хотят присоединяться к этому давно поплывшему пароходу. Специалист еще несколько раз героически пытался открывать рот, но кроме икания, других, более цивилизованных звуков его гортань уже не производила. Безнадежно махнув рукой, он неровно побрел в сторону ворот, оставляя после себя нерешенным вопрос, – зачем для борьбы с нехорошими людьми надо бросать в сердце судна лишнюю лопату?

Второй специалист представлял палубную команду и, естественно, не имел никаких общих интересов с предыдущим оратором, тем более что был трезв. Этот старый заслуженный боцман, как и безвременно ушедший механик имел задание руководства набрать группу учеников кочегаров, нехватка которых остро ощущалась на флоте. В те годы рядовые моряки рождались в селе и были уверены, что единственная профессия на судне – матрос. Слово «кочегар» им ни о чем не говорило, и боцман, всю свою жизнь с пренебрежением относившийся к машинной команде, не без труда переступал через профессиональную гордость:

– Кочегар – дело хорошее. Пусть сегодня ты просто кочегар, но завтра ты уже старший кочегар, серьезный человек! А если на курсы пошлют, то и до машиниста дорасти можно.

Он кивнул в сторону уходящего первого и добавил:

– А если при этом не пить и грыжа мешать не будет, то можно и на механика выучиться... Вы знаете, кто такой механик?! Первейший человек, гроза машины! Ходит в белых перчатках, приказы отдает! Для него все остальные кто? Тьфу!.. Да за ним девчата, от Николаева до самой Голой Пристани в очереди стоят!!!

Услышав это, Семен, конечно, выбрал белые перчатки и девчат, с надеждой ожидающих его на причале Голой Пристани. Вместе со всеми он сделал исторический шаг вперед, который переносил его в еще не наступившее, но такое сытое и благополучное завтра...

ИЗ ЖУРНАЛА ПРИЕМА ПО ЛИЧНЫМ ВОПРОСАМ

«Из протокола собрания»

Слушали:

жалобу моториста Чучкина Г.К., члена ВЛКСМ, на неприличные оскорбления со стороны капитана мотозавозни Ас Н.Д., члена КПСС, прозвучавшие на его предложение совместно попить пиво.

Выступили:

1. Капитан мотозавозни Ас Н.Д., член КПСС. Факт личных оскорблений моториста Чучкина Г.К., члена ВЛКСМ отрицает. Отказ от предложения совместно попить пиво в виде пословицы: «Гусь свинье – не товарищ» осуществлен из-за повышенной потливости и неряшливости моториста Чучкина Г.К. Предлагает рассмотреть встречную жалобу на Чучкина Г.К. о нанесении им ответных слов.

2. Моторист Чучкин Г.К., член ВЛКСМ. Факт нанесения ответных слов на личные оскорбления в его адрес Ас Н.Д., членом КПСС, подтверждает. Фраза: «В Вашей фамилии меньше букв, чем в самом популярном русском слове» была произнесена в лингвистически-познавательной концепции.

Постановили:

*Считать сравнительный подсчет букв в фамилии капитана мотозавозни Ас Н.Д., члена КПСС, и самом популярном русском слове, произведенным мотористом Чучкиным **единственно верным**, научное заключение по данному вопросу доктора философских наук Нечухайло П.П. о справедливости данного подсчета прилагается»*

Байка вторая КАК МОРЯКИ КОТЕЛ СДАВАЛИ

Часть первая Шпион Гваделупы

Было это в те годы, когда Никита Сергеевич боролся с культом личности Иосифа Виссарионовича. Портреты самого тов. Сталина, таинственно исчезли, но заменить коварные усы на добродушную лысину ещё никто не решался. На стенах Красных уголков во главе Политбюро уже зияло прямоугольное пятно, окруженное славной плеядой преданных соратников, а на общих собраниях уже стали появляться измученные, но уже частично восстановленные лица.

Солнечной весной 54-го на борт землечерпалки поднялся худой долговязый человек, с вещевым мешком и справкой о досрочном освобождении. Лицо его не выражало ничего. Такую редкую способность оставаться незаметным он выработал за долгие годы в местах, не столько отдаленных, сколько неприятных. Нелепый случай превратил жизнерадостного молодого парня в угрюмого молчаливого старика.

Дело было еще до войны, в Мурманске, куда Петровича направили сменить старшего механика большого парохода. Выяснилось, что судно прибудет в порт только на следующий день. Приграничный Мурманск считался закрытым городом, и попасть в гостиницу без предварительного согласования с военной комендатурой было невозможно. На свою беду, Петрович решил заночевать у Гриши – сокурсника по ленинградской мореходке, сменившего бляху с якорем на петлицы офицера НКВД с наганом.

С приятелем встретились в небольшом припортовом ресторане – долго вспоминали молодость, выпивали, закусывали... Отдыхали до вечера, пока сокурсник не вспомнил, что в 21.00 ему заступать на дежурство. Мысль о том, что Петрович может переночевать на диване в служебном кабинете, понравилась обоим. С великолепным настроением в душе и двумя бутылками коньяка в кульке приятели вошли в здание городского НКВД. Пока Гриша принимал дежурство, Петрович выложил на стол коньяк и стал дожидаться приятеля. Через двадцать минут дверь открылась. Вместо Гриши в кабинет вошел угрюмый чекист в сопровождении двух бойцов охраны.

– Кто ты такой? – кратко, но жестко спросил «угрюмый».

Петрович, сбиваясь, поспешил рассказать историю своего появления в НКВД, добавив, что здесь он только на одну ночь, а завтра огромный пароход унесет его к неведомым берегам таинственной Гваделупы... Заграничное слово «Гваделупа» так понравилось чекисту, что он попросил письменно и подробно написать об этом чудесном острове.

Петрович искренне поверил, что интерес «угрюмого» носит сугубо познавательный характер, и писал все, что знал. Попавший в экстремальную ситуацию человек способен почерпнуть из глубин своего мозга многие, вычитанные еще в ранней молодости и, казалось, навсегда забытые географические, экономические и этнические особенности загадочной Гваделупы.

Пока Петрович писал, «угрюмый» молча пил коньяк. Рюмка за рюмкой, страница за страницей... Оказалось, что Гваделупу Петрович знал лучше, чем Брокгауз и Эфрон вместе взятые. «Угрюмый» тоже не отставал. Увлекательное повествование на пятнадцати листах закончилось одновременно с коньяком, и свою подпись Петрович поставил уже при пустой стеклотаре.

В те годы радио было самым незаменимым источником информации. Первые газеты появлялись в продаже к восьми часам утра, но радиоточки просыпались гораздо раньше. Уже в

шесть часов законопослушный гражданин мог выяснить – кто на текущий момент враг народа, а кто – его друг. Конечно, ситуация могла измениться и в течение дня, но то же радио, теперь уже голосом другого диктора, уточняло подробности.

Засидевшись в ресторане, Гриша окончательно потерял бдительность и не знал, что подписавший приказ о его назначении в органы, всесильный нарком Ежов перестал быть не только всесильным, но и наркомом. За пару часов из верного партийца он превратился в подлого предателя, жалкого отщепенца и пособника фашизма, короче, стал настолько нехорошим человеком, что без котомки с бельем и сухарями на дежурство Грише можно было просто не выходить. Петрович попал в шпионы совершенно случайно – за компанию с Гришей, а так как его научно-популярный трактат пестрел непонятными морскими терминами и цифрами, то лучшей кандидатуры на роль шпиона Гваделупы трудно было вообразить. Об этом сразу доложили наверх. Так, не выходя из кабинета, угрюмый капитан получил звание майора, а жизнерадостный Петрович – 25 лет без права переписки, но даже это было несравнимо с участью Гриши, которому судьба уготовила целую вечность...

Такова грустная и, вместе с тем, смешная история старшего механика Петровича, бывшего шпиона Гваделупы.

Часть вторая

Котельный художник

Начало трудовой биографии Семена явилось естественным продолжением вереницы фатальных неудач, преследующих его всю жизнь. Окончив мореходную школу, он стал образованным человеком, теоретически владеющим всеми премудростями кочегарного ремесла. К сожалению, столь основательная научная подготовка не представляла никакой практической ценности. Конечно, Семен научился ходить вразвалочку, как настоящий морской волк, знал флотскую терминологию и даже мог без посторонней помощи отличить Крузенштерна от Ризеншнауцера. Один был собакой, другой – адмиралом. Кто конкретно, Семен не знал, но этот пробел образования казался крайне незначительным – за свою жизнь Семен ни разу не встретил, ни адмирала, ни Ризеншнауцера.

Семен оказался в числе немногих избранников судьбы, сделав головокружительную карьеру и сразу став машинистом. Конечно, не вкусив всех тонкостей профессии кочегара, трудно насладиться высоким социальным статусом судового машиниста с испытательным сроком.

Техническая революция постепенно выдавливала из паровых топков родной и привычный уголек, а инженерная мысль вливалась в сиротливо пустеющие емкости топливный мазут. Для перехода флота на жидкое топливо требовались новые квалифицированные кадры, кузницей которых стала знакомая нам мореходная школа. Кадры ковались по разрядке министерства, получали стабильный минимум знаний и выходили из стен «альма-матер» со справкой об окончании, направлением на работу и невероятной самоуверенностью. Больше ничего ценного школа не давала. Попавшие на суда кадры могли самостоятельно только спать, есть, и справлять естественные нужды. Выполнять другие производственные функции на первых порах они еще не умели.

Неприятности начались еще на трапе. Короткий деревянный настил был переброшен через узкую полосу воды, отделяющую судно от берега, и не предполагал появления столь элегантного специалиста с чемоданом в руке. То ли от изумления, то ли от случайно нахлынувшей волны трап качнуло, а элегантный специалист оказался в воде вместе с легендарным чемоданом. Деревянные чемоданы не тонут, но находящиеся в нём ценности оказались весомее мореходных качеств самого чемодана. Морская пучина поглотила морскую фуражку с якорем, теплый бушлат и комсомольский билет. Личная трагедия Семена грозила обернуться глобальным общественным трауром.

Семен всплыл сразу, хоть и не был деревянным. Какая то невидимая сила вытолкнула его тщедушное тело на поверхность. С помощью вахтенного матроса Семен выкарабкался на палубу. Ситуация была безнадежна. Бушлат и фуражка с якорем предметами крайней необходимости не являлись – короткую южную зиму можно было пересидеть на судне, но потеря чемодана делала его существование бесполезным. Без чемодана жить он не мог. Без комсомольского билета не могла жить комсомольская организация. Личные и общественные интересы совпадали. Оставалась нырять в воду до тех пор, пока не будет, обнаружен чемодан или не утонет Семен. Сквозь мутную морскую воду другие перспективы не просматривались.

Ответственный за технику безопасности штурман Гладков проверил страховочный канат и напутствовал крепким мужским словом. Молитва, случайно услышанная в семинарии, повторялась в глубине сознания Семена так настойчиво, что, перекрестившись в присутствии замполита, он смело шагнул в бездну. Стихия жертву не оценила и выплюнула Семена обратно на поверхность как поплавок. Все последующие попытки погружения были осуществлены с

тем же результатом. Опуститься на дно Семен смог лишь после хитроумной технической новации. Теперь он нырял не один, а в компании с надежно прикрепленной к нему чугунной чушкой. Вторая попытка совместного погружения оказалась успешной – Семену удалось не только обнаружить чемодан, но и крепко уцепиться за него руками. Тянуть вверх чугунную чушку с привязанным к ней Семеном было тяжелым физическим испытанием, но когда к этому глубоководному тандему прибавился чемодан – подъем пришлось осуществлять уже силами всей команды. На палубу Семена подняли в полусознательном состоянии, но занемевшие руки надёжно держали чемодан крепко и надежно. Успешное завершение спасательных работ сразу сделало Семена, человеком известным и даже популярным среди членов экипажа. Честно заработанное прозвище «Чушка» звучало по-домашнему тепло и дружелюбно.

К моменту появления Семена на судне, очистка котла (с водяной и огневой части) была завершена, и участие молодого специалиста в ремонтных работах заключалось в покраске его наружной поверхности.

На капитанском мостике определяется направление движения судна, а в главном котле создается энергия, способная это движение осуществить. Он находится в центре котельного отделения, сразу бросается в глаза и требует к себе бережного и достойного отношения. Под личную ответственность Семена этот архиважный механизм был передан вместе с ведром краски и тремя малярными кистями.

– Как красить? – лаконично спросил Семен.

– Красиво, – ответил Петрович. Прибыл он за день до Семена, но уже вошел в курс дела, давая подчиненным краткие, но четкие команды.

Понятие красоты было для Семена настолько широким, что не вызывало никаких конкретных смысловых ассоциаций. Ему казались красивыми входившие в моду брюки – клеш, здания на улице Пушкинской, обрамленные вековыми платанами, и даже морские волны, едва не поглотившие его движимое имущество...

Как сделать красивым котел, Семен не знал. Интуиция подсказывала, что три малярные кисти выданы не случайно, но если его догадка верна, то где же два других колера? Если же котел – одноцветный, то зачем еще две кисти? Получался необъяснимый ребус.

Когда ресурсы его фантазии себя исчерпали, Семен обратился за помощью к боцману Будько, догадавшемуся привязать его к чугунной чушке. Лишь человек, обладающий таким мощным интеллектом в состоянии подсказать решение задачи, тем более что на палубе все покрасочные работы проводились под его руководством. Боцман слушал Семена внимательно – впервые в жизни появилась возможность подшутить над всей машинной командой прямо в машинном отделении, да ещё и руками машиниста.

– Рисовать умеешь? – поинтересовался боцман.

Рисовать Семен умел. В его деревенской школе не хватало учителей, и большинство предметов читал единственный мужчина-педагог. Он был предельно слаб по части точных наук, поэтому на математике, физике и химии все ученики чертили и рисовали. Флегматичный, тощий учитель весь урок ходил между рядами парт и подсказывал юным дарованиям, как правильно наносить тот или иной штрих. Проще было самому взяться за карандаш, но кисти обеих рук остались в сгоревшем танке. После художественного училища ему прочили блестящее будущее. Судьба распорядилась иначе...

Между собой ученики называли его Петровым-«Водкиным». Во-первых, его фамилия была – Петров; во-вторых, искру своего не востребовавшего таланта заливал он исключительно водкой. Свои знания Петров старался привить деревенским ребятишкам, и они радовали своими творческими успехами. Особенно Семен.

Петров-«Водкин» учил с помощью репродукций великих художников, привезенных из райцентра, и воспитанному на лучших образцах классической живописи Семену лучше всего удавались обнаженные женщины. Попросту, голые бабы. В разных комбинациях и позах они

тиражировались по всему селу. Стены соседских домов, сараев и туалетов служили холстом, а кусок негашеной извести – кистью. Художественные образы приходили к нему ночью, во сне. Гонимый талантом и половым созреванием подросток просыпался и выходил в темноту. А уже с криками первых петухов, односельчане могли ознакомиться с его новым произведением и обсудить его достоинства с матерью Семена...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.